

О ПЕРСПЕКТИВАХ АНАЛИЗА УЧЕНИЯ И. КАНТА О ПРАВЕ И МОРАЛИ СРЕДСТВАМИ СОВРЕМЕННОЙ ЛОГИКИ

В. А. Смирнов
(Институт философии АН СССР)

Философия должна предположить, что нет настоящего противоречия между свободой и естественной необходимостью одних и тех же человеческих поступков, ибо она не может отказаться от понятия природы, как и от понятия свободы.

И. Кант

В этой статье я хотел бы поделиться своими размышлениями о тех идеях из практической философии Канта, логический анализ которых мог бы оказаться плодотворным.

В настоящее время созрели условия для успешного применения логики к анализу норм права и морали. Мы имеем — относительно к Канту — большой сдвиг в этом направлении. Начинает разрабатываться аппарат, с помощью которого можно анализировать не только рассуждения теоретического характера, когда из посылок выводятся заключения, но и сами нормы права, нормы морали. В этой области имеется хороший задел, хотя еще много неясных вещей. Имеется масса разных подходов и направлений. Достаточно назвать разработку логики действий, динамическую логику, различные системы деонтической логики. В этой связи нам необходимо обратиться к Канту, хотя бы по той причине, что Кант определял логику очень широко. С точки зрения Канта, логика есть формальная философия. Поэтому изучение не только формы теоретического знания, но и формы практического разума (воли, желания) — это тоже прерогатива логики. Хотя, конечно, по Канту, не все сводится к форме. В практическом разуме также существуют синтетические суждения. Тем не менее такое понимание логики как формальной философии открывает возможности для более широкого понимания и применения логики.

Я начну непосредственное рассмотрение темы статьи с воспроизведения некоторых соображений В. Ф. Асмуса. В. Ф. Асмус был моим учителем, и в начале 50-х годов я его просил прочитать нам курс о Канте. Он отказался читать курс даже о «Критике чистого разума», ибо в то время невозможно было прочитать курс о Канте без специфической критики. В последующем В. Ф. Асмус все время подчеркивал, что основное в Канте это не «Критика чистого разума», а «Критика практического разума». В чем здесь дело? Какова была сверхзадача у Канта? Что касается «Критики чистого разума», то сверхзадачей Канта была задача спасти науку от скептицизма Юма. Юм подверг резкой критике само обоснование науки — ее детерми-

низм. Для того чтобы спасти науку, принцип детерминизма, Кант предпринимает работу, изложенную в «Критике чистого разума». Но это не единственная цель Канта. Вторая — и, может быть, главная — цель состояла в том, чтобы спасти человеческую свободу. Для этой цели он строит свои конструкции как в «Критике практического разума», так и в «Критике чистого разума». Идея идеальности времени как формы упорядочивания нашего опыта понадобилась Канту не только для того, чтобы обосновать аподиктический характер математики (арифметики), но и для того, чтобы обосновать человеческую свободу. Если природу мы рассматриваем как совокупность явлений, т. е. в пространственно-временных рамках, то человека мы можем рассматривать как вещь в себе вне пространственно-временных рамок и на этой основе обосновать поведение человека как свободного существа.

Согласно Канту, формальная логика занимается любыми формами, физика занимается изучением природы — мира явлений в рамках форм чувственности и рассудка, этика занимается миром человеческой свободы. Старое деление философии на логику, физику и этику получает у Канта новое содержание. Великая проблема философии — совместить принципы детерминизма, на которых основано естествознание (да и не только естествознание, но и социальные науки), с принципом свободы, человеческой личности, человеческого достоинства. Это великая и очень трудная для решения задача. Кантовское решение состоит в подразделении вещей самих по себе и вещей как они даны (явления). Без понятия человеческой свободы мы не построим ни юриспруденцию, ни мораль. С одной стороны, задача состоит в том, чтобы построить такое понимание природы, детерминизма, закона, согласно которому сами естествознание и социальные науки допускали бы существование автономных систем, обладающих свободой. На решение этой задачи претендует синергетика, построенная Ильей Пригожиным, но еще не ясно, решает ли она эту проблему. С другой стороны, когда мы имеем дело с гуманитарной областью, мы все-таки должны признать в качестве постулата, что человек свободен, обладает свободой воли.

В качестве ориентира для логического анализа мне хотелось бы отметить следующую идею. Кант говорит о трех способностях: познавательной (теоретической), способности воления (входящей в практический разум) и способности оценки (способности суждения). Очень важно, что Кант признает доступным для логического анализа не только акт суждения, где фиксируются результаты познания, но акт воления (предписания, приказа). Не все есть знание. Мы иногда сводим многие акты, не являющиеся познанием, к познавательным, например, иногда и мораль, и право считаем знаниями. Однако существует много других вещей, отличных от знания. Кант четко решает

эту проблему. Помимо суждений, утверждений есть еще императивы, которые имеют свою особую форму, даже безотносительно к праву и этике. Кант подчеркивает, что императивы имеются не только в этих областях, но и в самой науке. Как это ни парадоксально, Кант один из первых обратил внимание на то, что постулаты эвклидовой геометрии — это не утверждения, а предписания к построению. В таком случае задачи и деятельность по их решению включаются в тело науки, но играют в ней подчиненную роль. Таким образом, Кант наряду с такой интеллектуальной деятельностью, как познавательная, допускает и другие формы интеллектуальной деятельности — императивы, повеления.

Кант различает разные формы повеления. Одно повеление — условное, другое — категорическое. Если мы ставим некоторую задачу, то при некоторых условиях мы требуем решить эту задачу. Кант считает эти условные императивы техническими правилами, правилами навыка. Для того чтобы достигнуть некоторой цели, надо сделать то-то и то-то. Если мы вернемся к сегодняшнему дню, то мы увидим, что язык «Пролог» и другие языки логического программирования являются языками с условными императивами. Мы устанавливаем связь между целью и теми действиями, которые мы должны осуществить, чтобы достигнуть цели.

Кант четко отличает от условных императивов категорические императивы. Категорические императивы это не предписания, что надо сделать, чтобы достигнуть какой-то цели. Они регламентируют саму цель, сами действия безотносительно к чему-либо.

Мне хотелось бы особенно подчеркнуть одну мысль. Надо резко разграничить учение о благе, благоразумии, целесообразности, с одной стороны, и учение о праве и этике, с другой стороны. Это разные вещи. Утилитаристская концепция сливает эти два учения. С точки зрения утилитаризма, морально то, что полезно, правовая норма принимается тогда, когда она приносит пользу. Такое отождествление, по Канту, глубоко ошибочно. Я в этом отношении согласен с Кантом, это отождествление условий целесообразности и блага с проблемами морали и права ошибочно. Одно из достижений кантовской философии — размежевание проблем блага от проблем права и морали.

Одно отступление. Нередко приходится встречаться с отождествлением этических понятий добра и зла с прагматическими понятиями, выраженными на английском языке как Goodness и Badness. При переводе широко известных логических работ фон Вригта¹ Goodness, естественно, переводился прагматическим понятием *благо* (но не добро), а с переводом Badness возникли проблемы. Переводчик использовал термин «зло». Но это некорректно, так как термин «зло» носит моральный ха-

рактик. Уже после выхода книги в свет я догадался, что надо было в качестве прагматического понятия, противоположного понятию «благо», использовать старое русское слово «худо». Это хороший перевод для *Badness*. «Благо» и «худо» — это не этические понятия, худо может быть без наличия злой воли. Учение, как наиболее целесообразным способом достигнуть блага и избежать худа, — это вовсе не этика и право, это учение о целесообразности. Его надо развивать, но его никоим образом нельзя смешивать с проблемами второго плана. Это различие следует подчеркнуть, так как в логических разработках этики и права нередко исходят из их утилитарного понимания.

Следующая проблема, нуждающаяся в логическом анализе, — это проблема оснований практической философии. Исследуя принцип категорического императива, Кант на первых порах подходит с общих позиций к этике и праву. Он неоднократно подчеркивает, что ни мораль, ни право не заложены в природе человека. Кант исходит из предпосылки, что в области морали и права мы имеем дело с конечными существами, наделенными разумом и свободной волей, которые могут принимать решения и поступать сообразно принятому решению. Факт наличия разума и воли и дает основания как для морали, так и права. Основание очень простое — если мы хотим действовать как разумные свободные существа, мы должны считаться с тем, что и другие люди также являются разумными и свободными существами. Поэтому надо находить такие способы поведения, которые не разрушили бы ни нашу свободу, ни свободу других. Великая мысль Канта заключается здесь в том, что для обоснования этики и права мы не должны обращаться к психологии или антропологии. Люди должны придерживаться морали не потому, что они добры или злы по природе. Категорического императива, согласно Канту, должны придерживаться не только люди, но и все разумные, конечные существа, обладающие интеллектом, будь это люди или инопланетяне, или машины. Если они обладают свободой воли и разумно себя ведут, то они должны руководствоваться категорическим императивом. Согласно Канту, человек по своей природе не добр, а зол. Для того и нужен категорический императив, чтобы подчинить разуму инстинкты, стремления, желания и т. д. Кант был одним из родоначальников научной антропологии, но основания морали и права он ищет не в антропологии, не в так называемом естественном праве человека, а именно в разуме.

Это очень важно и в настоящее время. Дело в том, что мы уже привыкли считать, что каждый класс имеет свою мораль, каждая формация имеет свое право. Эти вещи надо пересмотреть. По поводу морали в советской философии еще в 60-е годы пришли к выводу, что имеются общечеловеческие нормы

морали. Мы тогда отказались от тезиса, что каждая эпоха, каждый класс имеют свою специфическую мораль, признали, что есть общечеловеческие нормы морали. Есть принципы нравственного поведения, которые в разных условиях по-разному реализуются.

Сейчас в той же плоскости серьезно стал вопрос о праве. Право — согласны мы с Кантом или нет — есть большое завоевание человеческой культуры. Право зародилось в античности и с тех пор существует во всех формациях. Идея права — решать проблемы не с помощью насилия, а с помощью некоторых правил поведения. Эта идея правового поведения — одна из великих культурных, цивилизаторских идей человечества. В этом плане идея права проходит через историю человечества, хотя, конечно, в каждой формации приобретает свою специфику. Поэтому тезис, что право есть воля господствующего класса, возведенная в закон, нуждается в серьезном пересмотре. Логикам хорошо известна аналогичная попытка помимо обычной формальной логики создать другую логику, увидеть в логике классовое явление, которая привела к полному конфузу. Первым, кто выдвинул идею построения совершенно новой, отличной от стандартной, логики, был не марксизм. Мартин Лютер провозгласил: для того, чтобы спасти религию, надо создавать новую логику, новую науку. Эту идею Лютер пытался реализовать, но логика оказалась очень устойчивой. Гегелем была провозглашена, но не создана диалектическая логика. Попытки создать пролетарскую диалектическую логику в противовес буржуазной формальной также оказались несостоятельными. Это сейчас очевидно, как очевидна несостоятельность создать пролетарскую (или марксистскую) биологию, физику, химию и т. д. Почему-то удержался только термин «марксистская психология»; может быть, потому, что психология еще не наука? Аналогична попытка зачеркнуть все право, объявить его буржуазным, или даже провозгласить социалистическое право (хотя согласно марксизму при социализме не должно быть ни государства, ни права). Настало время четко сказать, что без права жить нельзя, право нужно в любом обществе свободных автономных личностей. Другое дело, нужны ли всегда аппарат насилия для осуществления права.

Таким образом, кантовские идеи нравственных и правовых концепций очень формальны. Они вытекают из самого принципа разумного, интеллектуального существа, а не извлекаются из существующих фактов. Мораль и право не извлекаются из фактов, а ставят перед нами задачи.

В этой связи перед логикой — помимо анализа форм выражения законов, повелений, норм и т. д. — встают казалось бы и более простые, но очень важные задачи. Еще Ф. Энгельс отмечал, что в цивилизованном обществе система права должна быть внутренне непротиворечивой. Тогда, если в системе права

есть противоречия, надо видоизменить эту систему. Помочь в установлении наличия противоречий должна логика.

Мы создаем логические системы, в которых из одних утверждений выводим другие утверждения. Но можно ли в правовой системе из одних норм выводить другие, отсутствующие в кодексе? Вообще говоря, судья не правомочен этого делать, внесение новой нормы (даже логически следующей из других) — это прерогатива законодателя. Суд должен руководствоваться законом, а не модифицировать закон, не извлекать из него следствия. Вообще, в каком случае из одной нормы следует другая? Вопрос не так прост, поскольку нормы не утверждения, они не истинны и не ложны. Г. Х. фон Бригг предлагает следующее определение псевдоследования: некоторый закон (норма) имплицитно содержится в системе права, если добавление к ней противоположного закона делает эту систему права противоречивой. Эта проблема неизбежно возникает в деятельности законодателя. С ней связано множество тонких, специфически технических проблем логического характера. Однако они очень важны, особенно в правовом государстве.

Таким образом, кантовское учение о праве и морали открывает широкое поле для применения средств и методов современной логики. Логический анализ практической философии Канта, с одной стороны, позволит продвинуть далее сами логические исследования, а с другой стороны, прояснит основания для развития современного учения о праве и морали.

¹ Фон Бригг Г. Х. Логико-философские исследования//Избранные труды/Под ред. Г. А. Рузавина и В. А. Смирнова. М.: Прогресс, 1986.

О КАНТОВСКОЙ ПРОБЛЕМЕ АНАЛИТИЧЕСКОГО И СИНТЕТИЧЕСКОГО У Я. ХИНТИККИ

И. С. Нарский

(Академия общественных наук при ЦК КПСС)

Уже из названия статьи видно, что она не ставит себе целью ни обозреть всю логическую проблематику в творчестве И. Канта с точки зрения современных нам подходов, ни охарактеризовать теоретическую деятельность известного финского логика Я. Хинтикки, используя при этом угол зрения его отношения к кантианству. В первом случае следовало бы рассмотреть также и логическую структуру, и уроки антиномий космологической идеи чистого разума, отношение между антиномиями и амфиболиями рефлексивных понятий, характер основоположений чистого, т. е. теоретического, естествознания. Но мы остановимся здесь только на проблеме аналитичности и синтетичности, а значит и синтетического a priori, поскольку именно она притягивала к себе в учении Канта внимание Хинтикки, который